

— „Специально выписан“.

Не знаю — был ли действительно специально выписан этот оркестр, но играл он замечательно. И когда он играл — от столов шли к помосту пары и начинали „творить“ танец, стараясь двигаться как можно „бесстрастнее, как можно прямее — и диким, бессмысленным издевательством казалось противоречие между ярким, живым, многоцветным звучанием джаз-банды и мертвыми движениями сушеных американских разнаряженных мумий.

Мы быстро удовлетворились этим „праздником“ — нового в „культурном времяпрепровождении“ американской колонии было не много. В тот вечер стало особенно, несомненно, ясно, что все фокс-тротты с джаз-бандом связаны случайно.

Что их связало? Можно только догадываться.

Если верно, что танец, как целый ряд других проявлений коллективной жизни — рисует психологию эпохи то, есть последовательность в том, что довоенный тянучий, медлительный танго, в котором замечательно выражались всякие „томления“ класса, которому величайшей заботой было развлекать свою бездельную тоску, сменился в разгаре войны и после нее более активным, более четким и энергичным фокс-тотом со всеми его разновидностями. Но совершенно естественно, в новый танец была полностью перенесена тема танца прежнего и это его во многом обесцветило. Старая истина — любое слово можно произнести на десять ладов. Любой танец можно танцевать самыми различными образами.

Новый танец потребовал новой музыки. Мистическая истонченность модернистов, нереальные звучности влекли за собой реакцию. Реакция склонна к крайностям и место сугубой туманной утонченности заняли жесткие рубленные метры, кричащая окраска звука, выходка, выкрик.

Наряду с ростом интереса ко всему экзотическому, возникло увлечение негритянской музыкой. Возможно, что некоторую роль привелось тут выполнить и появлению в европейских армиях чернокожих колонн, пришедших из Сенегалии и Банту со всеми своими навыками и песнями.

В музыке негров, одной из самых примитивных, пожалуй жив и яростен ее корень — песни-спутницы работы. Как не услышать в этом четком движении на четыре четверти мерного опускания заступа в землю четырьмя людьми, стоящими квадратом? Или — мерного стука топоров вперемежку, сопровождаемого гортанными выкриками?

Самая окраска звука негритянских инструментов совсем особая. Ведь негры создали целый ряд оригинальных инструментов, начиная от простого лука, который берется в зубы, при чем грудная клетка служит резонатором для тетивы, играющей роль струны — до многострунных туземных арф, для которых резонаторами являются разной величины выдолбленные сухие тыквы.

Помимо этого — разные духовые инструменты — своеобразные трубы, рожки, флейты и великое множество барабанов, играющих первостепенную роль в негритянской музыке.

Джаз-банд взял у негритянских инструментов все то, что дает их звуку оригинальную окраску и применил эти приемы к усовершенствованным инструментам современного оркестра. Наряду с обычными сурдинами разной формы и величины, полые металлические приспособления, применяемые к обычному тромбону и корнет-а-пистону дают им совершенно новый звук.

Барабаны, большой и маленький, оснащаются медными тарелками, берестяными бубнами, медными полыми футлярчиками, по форме напоминающими альпийские бубенцы и т. д.

Все это вместе взятое дает возможность достигать интереснейших результатов в смысле колористического контрапункта, если такой термин не покажется нашим правоверным музыкантам слишком возмутительным. Ведь в самом деле, гармоническое своеобразие негритянской музыки само по себе, конечно, не давало бы такого эффекта, если бы оно не было соединено со своеобразнейшим сочетанием непривычных окрасок звука и с замечательнейшей ритмической основой.

Надо тут же оговориться, что в основном проценте именно эта окраска — позволяет проводить в качестве негритянской музыки то, что ровно ничего общего не имеет ни с негритянской

Рис. А. Талдыкина

Гос. Еврейский театр

X Заповедь

мелодией, ни с негритянской гармонией: инструментальный колорит тут искупает все грехи. Так и произошло, что обыкновеннейший салонный мотив в „соответствующем“ движении в исполнении джаз-банда теперь сходит за негритянскую музыку.

Не очень уж важно, что к чему пристало: джаз-банд к фокс-тrotту или наоборот. Но надо сказать, что связь оригинальнейшей музыкальной (сильно этим опошленной, профанированной и оскопленной) — культуры с пустым и плоским танцем — пошла в ущерб музыке. Ее так связали этим танцем, что она почти потеряла права на самостоятельное существование, а это несправедливо. Эта музыка стоит большего, чем быть только звуковым фоном для телодвижений, ставших почти символом определенного класса в определенную эпоху. Искусство восемнадцати артистов джаз-банда в Константинопольском саду стоило всех американских мистеров со всеми их дамами, чванно ползавшими по деревянному помосту.

Нам нужно отделить понятие „джаз-банд“ от представления о „фокс-тrotте“. „Судьба“ действительно связала их, но это не закон для нас. Музыка джаз-банда — больше чем аккомпанимент для фокс-тrotта, так широко использованного всеми нашими театрами в качестве характеристики „гнилого и разлагающегося буржуазного мира“.

О том, что давно пора заполнить пробел в нашей прессе в области искусства и заговорить о джаз-банде широко и серьезно, критически — многие толкуют уже не первый год.

Теперь в Москву приехал небольшой негритянский ансамбль — это дает конкретный повод для статей о джаз-банде.

Этот джаз-банд состоит всего из пяти человек и это очень отражается на глубине звучания, не давая тех полных эффектов, какие достигаются в большом джаз-банде. Вместо обычных трех саксофонов — здесь только один: один тромбонист, один трубач, один ударник и один пианист. Все они — настоящие и отличные музыканты и в смысле ритмической четкости их исполнение великолепно. Ударник почти эквилибристически справляется со всем набором своих инструментов, а огромная фортепианная техника самого черного и самого толстого из джаз-бандистов видна даже сквозь все те штуки, которые он проделывает на клавиатуре своей огромной кистью и широкими пальцами, на которых особенно выделяются розовые „как у негра“ ногти. Это не удивительно, если верно, как мне говорили, что он окончил консерваторию Нью-Йорка. Пианист и тромбонист — также и композиторы и джаз-банд исполняет целый ряд их вещей.

Одной из особенностей вещей, исполняемых этим джаз-бандом, является то, что все они — почти без исключения — заканчиваются в тонику, в то время, как в большом числе вещей, которые мне пришлось слышать в исполнении других джаз-бандов — окончание каким-нибудь совершенно неожиданным интервалом, быстрой и неразрешенной фигурой одного инструмента — создавало интереснейшую своеобразность.

Вместе с джаз-бандом выступает известная Москве очень культурная певица-негритянка Коретти Арле-Тиз. Ее песни, сопровождаемые джаз-бандом, в частности одна из них — „Let my people

Театр Революции „Воздушный пирог“

Актер К. А. ЗУБОВ в роли „Семена Рака“

go“ — („Дорогу моему народу“) подтверждают — если это нуждается в подтверждении — то, что я уже сказал — что джаз-банд есть и может быть чем то гораздо более значительным, чем аккомпанимент для танца, эпидемически полонившего запад. Но, конечно джаз-банд в существующем виде и все, что под этим названием сходит в качестве большого искусства мы принять не можем. Если бы джаз-банд вернулся к оригинальным инструментам негров, если бы он отошел от ставшего привычным приспособления к танцу, если бы он вернулся к негритянскому языку, — он мог бы вновь обрести теряемые им постепенно черты подлинного своеобразия.

Особая и большая тема — вопрос о влияниях негритянской музыки на современную музыку вообще. Эта тема стоит особаго рассмотрения; одно можно сказать уже сейчас: несомненно, что в том сдвиге, который рельефен в современной западной музыке от мистической расплывчатой бесплотности к полнокровному и четкому размеру, к квадратному ритмическому построению — влияние экзотической музыки явно и велико. В частности это доказывается рядом пьес фокс-тrotтного типа, написанных выдающимися современными композиторами.

Народное творчество негров, в том виде, как оно сейчас показывается в Европе — засорено ненужной ветошью и притушено пошлыми влияниями. Это жаль. Чем скорее оно от этой зависимости освободится, чем скорее оно очистит замутненные родники народного склада — тем будет оно плодотворнее, тем шире станут его возможности.

А. ЦУКНЕР